

Жизнь пословицы

О. Широкова

„Хороша пословица в лад да в масть“

Рабочий класс овладевает старой культурой, преодолевает ее, создает свою, пролетарскую культуру. Рабочая молодежь интенсивно учится. Рабочие-ударники призываются в литературу. Классовая борьба на идеологическом фронте развертывается и вширь и вглубь.

Рядовые армии пролетарской культуры вооружаются теорией марксизма-ленинизма. Вытесняя врага с его укрепленных позиций, боец не только оттачивает для успешной борьбы теоретическое оружие, но ищет способ этим оружием снабдить миллионы бойцов.

А это значит, что все культурные ценности надо поставить на службу рабочему классу. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знание, искусство» (Ленин — «Успехи и трудности соввласти», т. XVI, стр. 72)..

Средством передачи этой культуры является в первую очередь речь, живой источник общественной связи. Качество речи должно быть повышено для осуществления поставленной перед ней громадной политической задачи — служить проводником образования и воспитания трудящихся масс.

Это приводит к выдвиганию проблем языка и стиля как проблем общественной важности, а не проблем для узкого круга специалистов. Языковеды ставят своей первоочередной задачей изучить язык масс пролетариата и колхозного крестьянства, изучить тенденции его развития и сделать язык оружием в борьбе за социалистическое строительство и культурную революцию.

Задача превращения речи в острое, четко действующее и верно бьющее средство борьбы рабочего класса заключается не только в разрешении проблем лексики, синтаксиса и т. п., но и в широкой постановке вопроса о стиле речи широких масс трудящихся.

Обогатить речь общественного работника, селькора, ударника, призванного в литературу, — одна из задач сегодняшнего дня.

Обогащение речи не обозначает только словотворчества, нужного и ненужного. Обогащение речи обозначает ее насыщение образностью и одновременно придание ей четкости.

Автор или оратор стремится вызвать у слушателей или читателя желательные представления в самый короткий промежуток времени и хочет закрепить их в памяти. Что же удовлетворяет таким целям, особенно в массовой аудитории и у массового читателя? — Конечно, такой речевой оборот, такой образ, который обладает массовым (относительно) распространением, ясно выраженным содержанием и краткостью построения, обеспечивающей запоминание.

В этих целях должны быть использованы пословицы, поговорки, литературно-художественные, научные и политические цитаты.

Остановившись на обзоре «народно»-творческих взглядов не имеет смысла. Их можно встретить, начиная от труда Даля «Пословицы и поговорки русского народа» и кончая «Курсом истории русской литературы» — Келтуялы. Важно установить, что в русских сборниках представлено почти исключительно крестьянское творчество. Такая установка приводила к сознательному игнорированию творчества новых социальных слоев, порождавшихся капиталистическим развитием страны.

Основным отличием пословицы от поговорки считается переносный смысл, которым обладает пословица, и отсутствие его у поговорки. Поговорка может быть еще характерна как общеупотребительный оборот речи и идиотизм языка.

Крестьянство, взятое как класс феодально-крепостнического общества (его дифференциация мало представлена в сборниках пословиц и поговорок), свое классовое мировоззрение не выражает в художественной письменной литературе по вполне понятным причинам.

Однако опыт хозяйственной, политической, духовной жизни приводит к определенным выводам. Выводы фиксируются в изречениях, которые благодаря краткости и звуковой конструкции (рифма и аллитерация) легко запоминаются.

Чем больше данный вывод оказывается применимым к отдельным случаям, тем он ближе к научному представлению о закономерности явлений жизни хозяйственной, социальной, духовной.

Проследим классовый характер крестьянского пословичного творчества на ряде примеров.

Жил крестьянин по обычаю, по старинке, от Миколы зимнего до Миколы весеннего, и твердо хранил «агронимические» заветы отцов: «До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки», «На Фалалея досевай огурцы поскорее», «На Феклу копай свеклу» и т. п.

Он твердо был уверен, что «не земля, а небо хлеб родит», что «бог не даст — и земля не родит», и потому и спешить некуда — предопределения не изменить: «Тихе едешь — дальше будешь», «Быстрая лошадь скорее станет», «В корове молоко не прокиснет», «Поспешись — людей насмешишь», «Год не неделя, покров не теперя, до петрова дня — не два дня».

Одновременно крестьянство категорически указывает на эксплуататорскую сущность служителей церкви: «Поповское брюхо из семи овчин сшито», «Родись, крестись, женись, умирай — за все попу деньги давай», «Не пиюще, не едуще, а пенязи беруще». Из массы подобных пословиц лишь одна дает сомнительно-положительную оценку: «Попова душа не берет барыша».

Если же мы возьмемся за материал вплотную, то увидим, как крестьянство по мере пробуждения активности, по мере роста производительных сил, хотя бы минимального, поворачивает от сомнений религиозных к атеизму: «Береженого бог бережет», «На бога надейся, а сам не плошай», «Богу молись, а к берегу грёбись», «Говори: господи, подай, а сам руками хватай», «Положу навозу кучу, так и к богу не так кучусь», «Вози навоз — не ленись, так хоть богу не молись».

Вот небольшое количество примеров из пословиц, которые подытоживают крестьянский хозяйственный опыт и демонстрируют изменение религиозных взглядов.

Общественно-политический строй царской России и правовое положение крестьянства заклеены пословицами и поговорками. Все представители власти и блюстители закона выступают в своей полной красе: «Лошадь любит овес, земля навоз, а становой принос», «Судьям-то и полезно, что им в карман полезло», «Ждет, как ворон кости, судья — разбойника тароватого, а поп — покойника богатого», «Большой да богатый не живет иноватый», «За правду-матку ссылают в Камчатку».

Царь, к которому непосредственного отношения крестьянство не имело, уважение к которому воспитывалось веками, и тот подпадает под сомнение: «Бога бойся, царя чти» и т. д. сочетается с такими изречениями: «Бог — высоко, а царь — далеко», «Царские милости в боярское решето сеются», «Бог любит праведника, а царь — ябедника».

Преступность обьяняется не моральными качествами, отыскиваются социально-экономические причины ее существования: «Бедность не грех, а

до греха доводит», «Бедность крадет, а нужда лжет», «Пустой мешок введет в грешок».

Не будем касаться массы материала по вопросу отношения крестьянства к помещикам и т. п., поскольку наша задача — не детальный классовый анализ пословиц, а постановка вопроса об их классовой природе.

Чтобы полностью представить себе роль пословицы в борьбе крестьянства со своими угнетателями, необходимо привлечь солидный исторический материал, как например документы пугачевщины и т. п. Ни в коем случае нельзя ограничиваться только сборниками, составление которых находилось под влиянием цензуры и обуславливалось точкой зрения, абсолютно чуждой мысли о классовой борьбе.

Любование примитивным творчеством ни в какой степени не может быть целью современного читателя. Нам нужно понимание классового характера этого творчества для использования его в борьбе художественного слова и научно-политической речи за социалистическое строительство. Представление о пословице и поговорке как о продукте народной мудрости абсолютно несовместимо с марксистским пониманием классового характера общества.

Итак, небольшое количество примеров подводит нас к разрешению поставленных вопросов: какой материал и как надо давать в сборнике массового назначения. Ответ напрашивается: материал должен представлять собой выражение мировоззрения определенного класса, его опыта в области экономической, социально-классовой, правовой и духовной. Только в этом случае мы гарантированы, что докладчик, ищущий крестьянскую поговорку, характеризующую материальное положение бедноты при царизме (хотя бы таким образом: «Не плачь, рожь, что продал за грош, весна придет — вдвое заплачу, а назад ворочу»), найдет ее, где полагается, по ее социальному содержанию¹.

Несмотря на слабо представленное в сборниках творчество других классов, мы все же с абсолютной ясностью выделяем творчество торговой буржуазии. Она свои методы эксплуатации противопоставляет феодально-крепостническим. «Не бей мужика в спину, бей в брюхо, скорее целковый выскочит», «Не бей мужика дубиной, а бей полтиной».

Способы ведения торговли представлены в громадном материале, который рисует торговый оборот от примитивных до глубоко продуманных приемов: «В долг не продать, так и хлеба не видать», «Продорожил — ничего не нажил, а продешевил да два раза оборотил — нажива и есть», «Без божбы не продать», «Не обманешь — не продашь»².

Преподнесение пословиц и поговорок в разрезе творчества определенных классов дает возможность использовать их как образный, сжато сформулированный речевой материал в художественной и политической литературе. Однако не надо думать, что пословицы и поговорки годны только для обогащения речи при сосредоточивании внимания автора или докладчика на историческом прошлом, на ушедших классах, на отживающих бытовых явлениях и т. д.

Пословицы и поговорки, во-первых, бытуют не только у класса — творца;

¹ В «Книге пословиц» В. В. Князева (1930, изд. «Красная газета», Литературная студия «Резец») эта пословица отнесена в раздел «Рожь». Принцип подбора материала в сборнике — тематический: «Бедность», «Безодежье», «Пахотьба» (почему не пахота?), «Молотьба» и т. д. Это классово двоякоориентирует. Не спасают и современные заголовки. Возьмем хотя бы раздел «Батрак» — дается хаотический склад из батрацких и кулацких поговорок: «Робить — ребята, а есть — жеребята», «Чисто мои жнецы жнут, что на стол подадут», и т. д.

² Весь материал творчества крестьянства и торговой буржуазии заимствован из пятитомника Далея — «Пословицы и поговорки русского народа» и из книги Иллюстрова — «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках».

они могут быть использованы другим классом при сходной исторической обстановке. Свидетельством этого являются пьесы Островского, насыщенные пословичным материалом. Так например, бытовые пословицы и поговорки буржуазии в пьесах Островского встречаются двух типов: крестьянские для характеристики застойного быта и дворянские для характеристики стремлений создать касту, отделенную каменной оградой от материально-необеспеченных слоев.

Вот небольшая иллюстрация: «Тише едешь — дальше будешь», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», «Залетела ворона в дворянские хоромы», «Всякая тебе лапотница в дворянство норовит»¹.

Во-вторых, что особенно важно отметить, пословицы, обладая переносным смыслом, бытуют в самых различных вариантах в новой историко-социальной и производственной среде.

Начнем с широко употребляемых пословиц советской общественности: «Семь раз отмерь — один раз отрежь», «Заложить твердый фундамент». Их техническое происхождение из деятельности определенных профессий не мешает им быть выражениями, широко принятыми в практике общественной жизни. Употребление чрезвычайно старинных пословиц мы встречаем в нашей общественно-политической жизни, совершенно забыв их историческое происхождение. «Откладывать в долгий ящик» любые дела имеют способность бюрократы. Происхождение пословицы таково. Царь Алексей Михайлович для получения жалоб населения приказал повесить длинный ящик на наружной стене дворца. Бояре так долго задерживали разбор жалоб, что ящик из длинного был окрещен в долгий.

Так меняется внутреннее содержание пословиц и переделывается их смысл в зависимости от эпохи и употребляющей их социальной среды. Больше того, мы видим перефразировку пословиц. Так, новые темпы утверждают: «Тише едешь — дальше будешь от того места, куда едешь», а политические ссылыные, направляемые в Сибирь царским правительством, говорили: «Дальше едешь — тише будешь».

Напомню положение, что пословица или поговорка есть одновременно образное и экономное выражение мысли, а поэтому не удивительно ее широкое использование в научно-политической литературе. Используется не только русская, но и иностранная пословица. Против введения последней в обиход русской речи возражала старая фольклористика, да и современная не сказала до сих пор своего категорического слова.

Только славянофильство с его преклонением перед идеей народности могло отрицать культурную ценность заимствования иностранного творчества в русскую речь. Этот предрассудок разрушен живой действительностью. Миллионы масс трудящихся Советского Союза сроднились с иностранными пословицами за годы революции и не подозревают их нерусского происхождения. Вот новое приобретение: «Куй железо, пока горячо» («Schmiede das Eisen, so lang es heiss ist»), «В единении — сила» («L'union fait la force»), «Хочешь мира — готовься к войне» — (латин. «Si vis pacem, para bellum»), «На войне как на войне» («A la guerre comme à la guerre»).

Широко употребляется теперь перефразировка мысли Ленина: «отступить, чтобы перепрыгнуть» из текста: «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперед» (Ленин — Собр. соч., изд. 96. 1925, т. XVIII, ч. 1-я, стр. 11).

¹ Не меньший интерес представляют литературно-художественные цитаты-пословицы дворянской интеллигенции первой половины XIX в., пришедшие к нам от Грибоедова, Пушкина и др. Специфические особенности их направленности и тематики заслуживают особого внимания.

Начинает получать распространение для характеристики борьбы буржуазных и мелкобуржуазных теорий и теориек с марксизмом и ленинизмом (пока только в среде теоретически подготовленной части партии) итальянская поговорка, употребленная Лениным в произведении «Шаг вперед, два шага назад»: «И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: „mettere la coda dove non va il capo“» «Просунуть хвост, где голова не лезет» (Ленин — «За двенадцать лет», 1918, стр. 387).

В статьях и речах Ленина мы встречаем пословицы и поговорки как русского, так и иностранного происхождения и в чистом и в слегка измененном виде. Так, сборник 1927 г. — «Речи и статьи» — содержит в себе большой материал, из которого достаточно взять несколько примеров: «С волками жить, по волчьи выть», «Где хорошо, там отечество» (иностран.), «Ловят темных крестьян на удочку».

Не только в статьях и речах более или менее массового назначения, но и в научно-философской работе — «Материализм и эмпириокритицизм» — Ленин применяет пословичный материал.

Специальные выборки имеются в книге А. Финкеля — «О языке и стиле В. И. Ленина», 1925. Нельзя согласиться с автором в части отнесения пословиц, употребляемых Лениным, к лексике. Пословицы подтверждают стремления В. И. Ленина снизить до массового партработника стиль научной литературы для уничтожения псевдоучености. Этот метод Ленина популяризировать через стиль сложнейшие научные вопросы заслуживает серьезнейшего исследования. В нем важнейшей частью будет вопрос о причинах применения пословицы, об ее отношении к научно-диалектической мысли, об ее использовании в строительстве новой речи.

Ленин или просто вводит пословицу, или не договаривает, или разряжает вставкой посторонних слов. Пословицы живут и сами говорят при таком живом обращении с ними. Возьмем три примера в контексте, чтобы показать взаимообусловленность пословицы и научного текста.

«Коготок увяз — всей птице пропасть». А наши махисты все увязли в идеализме, в ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особото «элемента» («Материализм и эмпириокритицизм», изд. 2, 1920, стр. 353).

«И если наши махисты отрекутся от Блея (а они наверное отрекутся от него), то мы скажем им: неча на зеркало пенять, коли и т. д. Блей есть зеркало, верно отражающее тенденцию эмпириокритицизма» (там же, стр. 325).

«Если на удочку Авенариуса попало несколько молодых интеллигентов, то старого воробья Вундта провести на мякинке не удалось. Идеалист Вундт весьма невежливо сорвал маску с кривляки Авенариуса, похвалив есть зеркало, верно отражающее тенденцию эмпириокритицизма» (там же, стр. 85).

Мало сказать, что старые пословицы и поговорки живут, изменяют внутренний смысл, перекраиваются и так или иначе являются прекрасным образным и экономным средством речи. Мало сказать, что они используются как исторический документ о мировоззрении определенных классов. Они творятся теперь, входят в наш быт, в нашу печать. Вот образец поговорки, получившей права гражданства в годы революции: «Можно ли сказать, что эти перманентные разногласия т. Троцкого с партией являются «случайно случившимся случаем», а не закономерным явлением» (Сталин — «Об оппозиции», 1928, стр. 498).

Или пример творчества рабочих масс, стремящихся сжато и четко сформулировать связь «левого» уклона с правым: «Не даром говорят у нас рабочие: «Пойдешь «налево» — придешь направо» (С т а л и н — Отчет ЦК ВКП(б) на XVI съезде партии).

Конечно, любители «исконно русской» красоты и «вечных истин» найдут, что живущие недолго, распространяющиеся главным образом в городах пословицы и поговорки не стоят внимания ни исследователя, ни собирателя, ни писателя. Мы оставим мертвецам погребать своих мертвецов.

Можно и должно поставить проблему собирания и изучения пролетарского творчества — пословиц и поговорок. Это представляет одинаковый интерес и для художественной литературы и для общественных наук. До сих пор мы не имеем зафиксированного материала пролетарских пословиц и поговорок ни современных, ни дореволюционных. Это с одинаковым успехом можно сказать о любой социальной группе развитого капиталистического общества (хотя западноевроп. и америк. буржуазия кое-что имеет). Причина кроется в том, что осмыслить закономерности капиталистического общества и все сложное переплетение правовых, моральных и других понятий стихийной первичной мысли не под силу. Она не способна на выводы по вопросам, охватывающим сложные стороны жизни. Но наиболее близкие пролетариату явления, производственная его деятельность, классовые отношения внутри отдельной хозяйственной единицы должны были создать пословицы и поговорки. Их надо искать и собирать, пока старые кадры рабочих хранят их в своей памяти.

Для овладения богатством старой речевой культуры необходимо дать современному читателю материал не в сыром виде, где смешано отживающее и настоящее, а с целью вооружения им общественника, культработника, писателя как оружием классовой борьбы. Но нельзя и откидывать все, что относится к давнему историческому прошлому и даже забыто теперь. Если эти цитаты, эти афоризмы политические и литературно-художественные находились в арсенале исторически прогрессивного класса, если они служили средством борьбы с оковами отживающих общественных формаций, то они могут для нашей пролетарской культуры речи сослужить службу не меньшую, чем французский материализм XVIII в. для философии пролетариата.